

УДК 82-32

Научная статья

DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-5-273-282

EDN: UUVBNH

«Кавказский тезаурус» или «концептосфера горца» в новеллах С. Бабаева («Книга отца»)

А. Д. Атабиева

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. Целью данного научного изыскания является оценка смыслового наполнения новеллистической прозы балкарского писателя Сулеймана Хызировича Бабаева в аспекте отражения «концептосферы горца», на основе которой вырисовывается узнаваемый «кавказский тезаурус». Для решения выдвинутой задачи в работе задействованы биографический, типологический, этноонтологический, интерпретационный, структурно-семиотический методы исследования. В статье представлен развернутый анализ цикла новелл, вошедших в «Книгу отца»; определены узловые тематические линии и проблематика произведений; обозначена авторская идея в трактовке таких ценностных ориентаций, как связь поколений, преемственность этнических традиций, комплекс мировоззренческих установок и т.д. Философские размышления писателя выстраиваются вокруг центрального образа – человека, представляющего собой аутентичный облик таулу (балкарца/горца), в ком синтезированы вековые устои, опыт, знания и мудрость народа. Через призму мировосприятия героя-рассказчика соизмеряются основополагающие критерии, по которым идентифицируется человек гор. Новеллы С. Бабаева позволяют собрать воедино закрепленные в этническом сознании представления о национальной ментальности, нравственности, этике, связи с родом, любви к отчей земле, ценности слов и поступков человека, ответственности каждого за всеобщее благополучие. Четкое соответствие нравственным императивам является необходимым условием существования этноса на протяжении веков, этому принципу следует главный герой анализируемой книги.

Ключевые слова: Сулейман Бабаев, новеллы, образ отца, этническое самосознание, концептосфера горца, кавказский тезаурус, связь поколений

Поступила 30.08.2024, одобрена после рецензирования 12.09.2024, принята к публикации 23.09.2024

Для цитирования. Атабиева А. Д. «Кавказский тезаурус» или «концептосфера горца» в новеллах С. Бабаева («Книга отца») // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2024. Т. 26. № 5. С. 273–282. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-5-273-282

Original article

The "Caucasian thesaurus" or "conceptosphere of mountaineer" in the S. Babaev's short stories ("The Father's Book")

A.D. Atabieva

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. The purpose of this scientific research is to assess the semantic content of the short story prose of the Balkarian writer Suleiman Khyzovich Babaev in the aspect of reflecting the "conceptosphere of the mountaineer", on the basis of which a recognizable "Caucasian thesaurus" emerges. To solve the proposed task, the following are involved in the work uses biographical, typological, ethnoontological, interpretative, structural and semiotic research methods. The article presents a detailed analysis of the cycle of short stories included in the "Book of the Father"; the nodal thematic lines and problems of the works are identified; the author's idea in the interpretation of such value orientations as the connection of generations, the continuity of ethnic traditions, a set of ideological attitudes, etc. The philosophical reflections of the writer are built around the central image – a man representing the authentic appearance of taulu (balkarian/mountaineer), in whom the age-old foundations, experience, knowledge and wisdom of the people are synthesized. Through the prism of the worldview of the hero-narrator, the fundamental criteria by which the mountaineer is identified are measured. S. Babayev's short stories allow us to bring together ideas fixed in the ethnic consciousness about national mentality, morality, ethics, connection with the family, love for the father's land, the value of human words and deeds, the responsibility of everyone for the well-being of all. Strict compliance with moral imperatives is a necessary condition for the existence of an ethnic group for centuries, this principle is followed by the main character of the analyzed book.

Keywords: Suleiman Babaev, short stories, the image of the father, ethnic consciousness, the conceptosphere of the mountaineer, Caucasian thesaurus, generational connection

Submitted 30.08.2024,

approved after reviewing 12.09.2024,

accepted for publication 23.09.2024

For citation. Atabieva A.D. The "Caucasian thesaurus" or "conceptosphere of mountaineer" in the S. Babaev's short stories ("The Father's Book"). *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS.* 2024. Vol. 26. No. 5. Pp. 273–282. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-5-273-282

ВВЕДЕНИЕ

Выбор объекта изучения, проблематика статьи и ее актуальность продиктованы необходимостью рассмотрения литературных персоналий в связке со спецификой этноментальности и уровнями проявления таковой. В выстраивании концептуалогии статьи автор опирается на труды Ф. Урусбиевой, З. Кучуковой, Н. Смирновой и др., которые послужили методологической базой работы. Тема исследования обусловила целесообразность обращения к этноонтологическому принципу анализа и оперирование соответствующей терминологической системой.

Творческий путь Сулеймана Хызировича Бабаева (1932–2003) – тот редкий случай, когда удельный вес художественных произведений относительно мал, но качество ценностно-смыслового содержания и способы воплощения авторской идеи значительно превосходят ожидания.

В середине 1970-х годов отдельные подборки рассказов балкарского автора публиковались в местной периодике: «Жаундан сора» («После дождя»), «Ыстауатдан кьошха келе» («По пути от кошары в кош»), «Бир эртденликде» («Однажды утром»), «Ахшылык» («Доброта»), «Река в холаме» (в переводе с балкарского С. Ахматовой) – на страницах газет «Коммунизмге жол» («Путь к коммунизму»), «Советская молодежь», журналов «Шуёхлук» («Дружба») и «Минги тау» («Эльбрус»). Новелла «На зимних пастбищах» включена в «Антологию балкарской прозы» (составитель – Б. Чипчиков, 2009).

В 1977 году республиканским книжным издательством «Эльбрус» осуществлена публикация единственного сборника новелл писателя «Атамы китабы» («Книга отца») на балкарском языке. Под тем же названием в переводе М. Джуртубаева книга вышла в свет в 2001 г. В 2011 и 2017 годах лирико-философские новеллы С. Бабаева были переизданы.

Круг тем, волнующих писателя, включает размышления об онтологических, нравственно-философских вопросах, предназначении человека в этом мире, специфике этнического мышления, художественное воспроизведение величественной природы Кавказа. В тексте новеллы «Слова подобны зернам» недвусмысленно разъяснена гуманистическая концепция автора: *«Велик человек, ни с кем его не сравнить. Как замечателен, удивителен он в своей печали и радости, как идет он по земле, и сердце его колотится от тревоги и восторга, путник, идущий в туманном небе среди звезд, поднимающийся к ним из гор и долин; и то, что будоражит его и движет им – это и есть то, что мы называем человеком, зерно, которое есть во всех нас – и в тебе, и в тех, кого ты знаешь и любишь, и в тех, кого знаю и люблю я, и во мне, идущем ночью по берегу реки, когда в тумане появляется силуэт всадника, небесного странника, и сходит с коня отец»* [1, с. 74]. В понимании С. Бабаева ничто в мире не равноценно уму и сердцу человека.

Образ *дороги* – один из акцентных в его творчестве, тяготение к детализации – особенность авторской манеры. В представлении писателя жизнь – это путешествие, в котором человеку нужно и радоваться, и терпеть, всегда идти уверенной поступью, и если необходимо – ломать скалы, сдвигать валуны, расчищая себе путь. Слова: *«Дорога свята, она главное дело мужчины – воина и путника. Вечными путниками были наши деды», «жизнь – долгий путь, где нет остановки»* [1, с. 5] – красноречивое подтверждение транслируемой идеи. Отца своего (Хызира) рассказчик также называет *путником*, прошедшим огонь войны, видевшим смерть и потому строящим дороги. *«Тысяча дорог за ним, тысяча гор и долин, тысячи взглядов на эти скалы, семь тысяч переходов на семи конях, семь тысяч мудрых слов»* [1, с. 39]. Жизнь и сама тождественна пути (*жашау жол*), кавказец живет, прокладывая себе дорогу к вершине среди каменистых троп. *«Огромность земли, даль дороги, белый обрыв, похожий на полумесяц, оползень, мосты над водами – все они, пройденные мною, остаются в моем сердце, как чьи-то чудесные рассказы, потому что, как говорил мой отец, в каждой трудности – тысяча удовольствий. Если бы в моей жизни не было дорог, – не так билось бы сердце, необедительными были бы мои слова»* [1, с. 5] – этими умозаключениями предваряется новелла «Доброта».

Система миропонимания этноса формировалась на основе восхождения по вертикали (*гора*) и движения по горизонтали (*дорога, тропа*), что продиктовано аскетичными условиями существования. В связи с необходимостью обживания труднодоступных высокогорных местностей, ареальности поселений, ввиду специфичности ландшафта сложились свои законы взаимодействия с природой и суровым климатом. Сопутствующие им опасность, риск с потенциальной возможностью схода селей, лавин и камнепадов, бездорожье, снежные вершины, рельефы скал, горных гряд и холмов, наличие бурных рек, крутых склонов, обрывов, узких тропинок, передвижение на лошадях, вьючных животных, воловьей арбе – привычный жизненный фон. Дорога сводится к испытанию силы духа, хождению по краю бездны, балансированию над пропастью. Все это воспринималось будничными действиями, ежедневной рутинной. Простор вокруг служил благодатной почвой, на которой вращивался дух свободы, создавались условия для выработки ключевых качеств национального характера. Для горца жизнь в аскезе – абсолютная норма, принципы его существования близки к философии стоицизма. Отсюда типичные черты балкарца – *сабырлыкь* (сдержанность, уравновешенность, степенность), *тёзюмлюк* (терпение, стойкость).

Такая модель этноссреды закономерно обуславливает ментальность балкарца, определяющуюся особыми критериями, метами, системой аксиологических концептов в триединстве *горы* (вертикаль), *дороги* (горизонталь) и *человека*. Это особая культура экологии. «Недаром пашня, очищенная от камней, сложенных затем аккуратно в виде изгороди, становилась частью души, синонимом его личной свободы и достоинства. Она из-

мерялась ценой труда, вложенного в нее, количеством копен, шириной ладони или пространством под камнем, под стопой» [2, с. 152]. Из подобных деталей формируется особая образная система, «символический тезаурус» действительности, окружающей горца. Вышеперечисленные аспекты составляют «когнитивный генокод» (привязанные к культуре народа и зафиксированные в языке особенности мышления, психологии и этики), способствующий самоидентификации, аккумулируя в себе память, знания и опыт прежних поколений.

Проза С. Бабаева по определению этнична, произведения автора концентрированно отражают национальный дух. Это этнографически маркированные истории из жизни, облаченные в сказовую форму. Художественный текст щедро пропитан народной лексикой, насыщен географическими деталями. В том числе топонимические названия местностей (Холамское ущелье, Усхур, Мысты-кам, Березовый склон, хребты Таракъла, гора Баштыкыр, лес Къуршоучу, ложбины Къозу-Ойнагъан и Буу-мюйюзле, склон Газа-тюбю, Таухурун – падь); озер в Къая-Арты, Тай-Тутуучу, Сары-Тюз; рощ (Жылкычы Жюрек – Сердце Табунщика); родников и речек (Акъ-Суу, Суу-Чыкыгъан, Суу-Айырылгъан, Суу-Кесген); галактик (Къой-Ызы – «овечья тропа», «след» / Млечный Путь); звезд и планет (Темир-Къазакъ – «железный кол» / Полярная звезда, Чолпан – Венера); природных явлений (тейри къылыч – «божий меч», «небесный меч» / радуга); животных и растений (мыллыкчы къуш – орел-ягнятник, жерк – ольховник, чум – кизил); предметов обихода, еды, питья (кукурузные чуреки, айран, бишлякъ – сыр, боза – буза, сыра – пиво, буу мюйюзле – оленье рога, агъач аякъ – деревянная чаша); народных музыкальных инструментов (сыбызгъы – дудка, къыл-къобуз – смычковый инструмент) и иных определений (къош – стоянка пастухов, ныгъыш – место сбора старейшин; шапа – человек, прислуживающий гостям за столом).

Примечательно, что в языке такие антропологические номинации, как *къол* (рука), *сырт* (спина), *аууз* (рот), *эрин* (губа), *бурун* (нос), *тил* (язык), *къулакъ* (ухо) зачастую переносятся на топонимические геокоординаты: *къол* – долина, *сырт* – плоскогорье, возвышенность, *аууз* – ущелье, *эрин* – уступ (яр), *къулакъ* – выступ (либо «къулакъ къар юзюлген» – снежная лавина или камнепад). Данная особенность также отражена в текстах новелл С. Бабаева.

Писателем приводится множество примеров, разъясняющих архаические представления этноса. В анализируемом сборнике превалируют мифологизированные солярные образы (звезд, луны, солнца). Читатель созерцает, как *солнце*, словно всадник на рыжем коне, уходит за горы («Теплый снег») или уподобляется красному быку, с ревом спускающемуся с неба («Звезда мира»); обращаясь к светилу, герой-рассказчик просит согреть его сердце и помочь написать что-то нужное людям. Употребителен и образ *луны*: она «поднимается над ущельем, скитаясь в сучьях чинар, моет седые волосы в реке» [1, с. 98], освещает дорогу запоздалому путнику и девушке, несущей на плечах воду; наблюдение за лунным затмением вызывает ассоциацию с языческим мифом, в котором описывается метафорическое явление – поглощение луны небесным драконом («Богатство»).

В новелле «Рассвет» упоминаются небесные врата, врата солнца, которые по легенде раскрывались только избранным, в это время следовало загадывать заветное желание, чтобы оно обязательно исполнилось. Отношение ко сну как к вестнику, предвестию благих событий обыгрывается в содержании одноименного цикла новелл «Книга отца». Интересен также заимствованный из мифа вставной сюжет о трех гуриях, прилетающих вечером к озеру в облике птиц, которые превращаются в прекрасных девушек, купаются, после чего вновь принимают прежний облик и улетают. В народной памяти существовало поверье, что у того, кто увидит крылатых девушек, непременно будут хорошая жена и

счастливая судьба. Герой произведения приходит лунной ночью к озеру и грезит о своей любимой. В контекст новеллы включена и древняя легенда, гласящая, что овцы предка Бабы (рода Бабаевых), когда-то сорвавшиеся со скалы, превратились в камни.

Витальность (жажда жизни, благоговение перед ней, тяга к познанию окружающего мира) – одна из характерных черт бабаевской прозы. В ней выражена индивидуальная натурфилософия. Писатель воздаёт хвалу жизни, подчеркивая, что нужно ценить каждое ее мгновение: *«Как безмерно щедра жизнь, дарующая нам цветы, мелодии свирели, летние фиолетовые сумерки, алый закат на снегу; и как этот закат, алела на снегу кровь солдата, раненого в этой ложбине, и была она свята, как цветы во мгле вечера, как солнце, освещающее ложбину, дающее ей жизнь»* [1, с. 34]. Поэтике новелл свойственны особая живописность, то самое элегическое дыхание, непровольная символизация бытийных реалий. Художник окидывает взглядом узнаваемые приметы родной земли (скалы, камни, пещеры, деревья, излучины рек, чинаровые леса, сочные луга, родники, о каждом из которых можно написать отдельную повесть), памятные с детства чистые горные источники, ласковые, как прикосновение материнской ладони. Созерцает величественную красоту необозримого мира, ощущая единство всего, что сотворено божественным промыслом. Слушает журчание родников и шум рек, любит бродить ранним утром по росе, умываться студеной водой, пить бодрящий айран или пенящееся молоко, пропитанные силой целебных трав, наблюдать за парящим орлом в небе, подниматься по склонам, ведя коня на поводу. Проникается сочувствием к одинокой чинаре над обрывом, что в бурю, не выдержав собственной тяжести, валится вниз и остается лежать поперек реки, продолжая служить людям в качестве моста. Герой-рассказчик (отождествляемый с самим автором) любит жизнь во всех ее проявлениях, излучает свет, учит творить добро, черпать силу в обыденных вещах, здороваясь с солнцем поутру, а ночью приветствуя луну: *«Сейчас вошла в мое сердце доброта вчерашнего вечера, святость его благодати, его красоты – и только сейчас я понял чистоту моего сердца. Нет в природе ничего, что не было бы прекрасным»* [1, с. 8], – озвучивает свою жизненную философию С. Бабаев.

Главный адресат книги – отец писателя, который прежде всего является сыном своего народа и составляет центрообразующее ядро новеллистического цикла. Так вырисовывается мудрый, благословенный облик отца, и в каждом тексте запечатлены теплые, трогательные воспоминания о нем. Наставничество отца помогало автору постигать окружающий мир, набираться житейского опыта, осваивать многие навыки, изучать народные приметы и пословицы, запоминать названия горных ущелий, свойства лекарственных трав и цветов. Из всего этого впоследствии и сложилась «Книга отца» (по аналогии с Книгой Тейри из карачаево-балкарской мифологии, содержащей исчерпывающие знания о мире). Уроки и наставления старших служили путеводной звездой, освещали жизнь и придавали сил. *«Мой добрый белобородый отец, ни один шаг, который я сделал, следуя за тобой в горах и долинах, не был напрасным, ни одно слово, сошедшее с твоих губ, не пропало. Как семечки яблок, занесенные ветром в горы и доли, и нашедшие там благодатную почву, твои слова пробиваются ростками в моей душе»* [1, с. 42], – пишет автор. Тот же лейтмотив выделяется в контексте новеллы «Рассвет»: *«Будьте всегда со своим народом, берегите его речь, сердце, дух»* [1, с. 10]. Сама эта идея программно закреплена в прозе С. Бабаева и звучит как послание следующим поколениям.

О важности родовых отношений, многовековой связи поколений, ценности перенимаемого опыта повествует новелла «После дождя»: *«И сам я, слушая отца, часто думаю: «Если бы в молодости он, хоть изредка, записывал то, что слышал от своего отца, моего деда, – это были бы бесценные слова»* [1, с. 16]. Выраженная мысль в новой интерпретации преподносится в произведении с поэтичным названием «Яблоня перед моим до-

мом». Происходит смена ракурсов, но идея все та же. Образы, сходные по смыслу, равные по силе эмоционально-эстетического воздействия. Связь поколений иллюстрируется на примере семьи: дед Копай – отец Хызир (проживший сто лет) – сын Сулейман – внук Мусса (который ушел из жизни в младенческом возрасте). Велик долг отца перед детьми, его поступки являются и примером, и консолидирующей силой, учат доброте, закладывают фундамент для последующего формирования личности. Бесценна радость ребенка, окруженного заботой родителей, именно этот урок позволит его сердцу отзываться на чужую боль. В продолжение заданного тона размышлений автор пишет: «*Все прекрасное на земле – цветы, светила, деревья, все необыкновенное принадлежит тем, кто может удивляться, – детям*» [1, с. 66]. Поэтому, обращая внимание на то, как общее дело объединяет семью, писатель подчеркивает первооснову человеческих взаимоотношений – любовь. Проявлением нерушимости духовной связи между отцом и детьми служит *ябло-ня*, в свой черед каждый из них должен будет посадить свое дерево, ощущая себя неотъемлемым звеном единой цепи. *Дерево* (как символ рода) дарит радость безвозмездно, напоминая людям, что можно «*улыбаться просто от того, что встало солнце, ощущать полноту жизни в себе и во всем, что тебя окружает*» [1, с. 63]. В привычном жизненном укладе горца особая ценность придавалась *сливовому дереву* (из него изготавливался кьобуз – музыкальный инструмент), *чинару* (отличающемуся твердостью древесины), *боярышнику* (горцы-пастухи использовали его ветви в качестве посоха).

Если бы человек понимал, какая созидательная сила заключена в его руках, сажающих плодовые деревья, мысленно представляя их уже цветущими, сеял зерно и видел перед собой колосющееся поле, которое затем превратится в теплый хлеб, то получал бы ни с чем не сравнимую радость. Сами люди, несомненно, когда-то уйдут из жизни, но их добрые дела останутся. «*Отец всегда чтил разум, чтил детей, нивы, дожди – все, что дарует народу мощь, доброту, надежду. Здороваясь с солнцем, кланяясь луне, начинал он и заканчивал свой день, творил добрую жизнь, которая соединялась с вечной жизнью... – словно это было предопределено ему от сотворения мира*» [1, с. 7]. Такой принцип выступает духовным ориентиром, служит основой человеческого существования в целом. Писатель видел этот пример перед глазами – отец был для него образцом духовности, эталоном мужской чести, средоточием вековых знаний народа, человеком, тонко чувствовавшим бие-ние жизни, который был так близок к родной земле. В его облике заложены истинные черты образа *таулу* – мужчины-горца. Оттого сильны слова благодарности сына мудрому отцу как дань памяти за бесценные уроки созидания во благо всему живому.

Орография, точнее, орографичность (частые описания гор) является доминирующей линией творчества балкарских поэтов и писателей. В северокавказском общелитературном контексте *гора* характеризуется как «онтологическая константа» или «пространственная вертикаль», определяющая мотивацию и поведение горца во всех сферах его жизнедеятельности [3]. В соотношении с данным образом различаются категориальные понятия вечное/преходящее, величественное, возвышенное/приземленное.

Естественно, «горность» и «равнинность» имеют свою специфику. Гора для балкарца – не столько географическая мета, сколько особое зрение и восприятие окружающего мира. Жизнь в окружении гор формирует специфический «этос» (соответствующие нравственно-этические привычки и особенности характера). Суровый ландшафт, ограниченный горами, одновременно дает простор высоким душевным устремлениям человека. Родная геосреда, пейзажи, знакомые писателю с детства, менталитет народа, насыщенная этноархетипами среда служат определителями этнической принадлежности и в некоторой степени предопределяют стиль мышления, раскрывая все нюансы и обертоны жизни в окружении уникальной природы.

Прапамять народа хранит классическую систему ценностей и все аспекты горской культуры. Природа и человек, их взаимообусловленность – ключевые смысловые линии книги С. Бабаева. Слитность человека и среды, связь гор и жизни горца (одно немислимо без другого), подобие горы и горца во внешних описаниях и свойствах характера. Таким образом, очевидно, что горы считываются как этническая мета. «Горность как граница горности, восходящих к горскости – таулулукъ – как характеру и судьбе. Система отсчета и мер, предлагаемых горами» [4, с. 197], подразумеваемая под этим «горность» пейзажей и ландшафта, плюс «горскость» мышления и характерного стиля жизни. Гора (вертикаль) – почитаемая народом «онтологическая константа», которая является «прасимволом кавказской культуры», что подчеркивается исследователями [4], [5].

Мысль о кровном родстве горцев и аутентичной среды вынесена писателем за скобки. Гармония и равновесие – вот к чему стремится человек, живущий среди скал, он вращается корнями в каменистую землю, непрерывно взаимодействует с ней. Величие этих мест, сакральная география, и, собственно, само пространство вобрало в себя этноментальность, особенности психологии, этики, специфику народного сознания, ими обусловлены обычаи и предания, посредством которых усваиваются безусловные, непреложные истины, подводя к пониманию сути слов духовность, нравственность. Благодаря чему вырисовывается общекавказская система координат, отсюда берет начало панорамное мышление. Горы, как центр мира, синонимичны бессмертию, во всяком случае таково миропонимание живущих здесь людей. Суровый климат и те реалии, та атрибуция, без которых существование балкарца непредставимо, закономерно предопределили черты характера, в числе которых выделяется потенциальная рациональность в расходовании доступных природных ресурсов. Именно поэтому *адамлыкъ* (человечность) считается опорной категорией жизненной философии, а взаимопомощь служит гарантом выживания. Народ является носителем этого высокого знания, рупором духовных истин. Примером хрестоматийного образа горца является и центральный герой анализируемой книги. В его лице представлен народ, определяющийся писателем как мерило духовности.

Собранный в «Книге отца» свод сведений о жизни балкарцев в горах формирует уникальный «кавказский тезаурус», выстраивая каноническую «концептосферу горца». Образ Кавказа, сама метафизика гор и соответствующих ландшафтных ориентиров приобретают в сборнике эмблематический статус. Кавказ трактуется как когнитивный центр бытия горца, образец высокой нравственности, пример возвышенных помыслов. Оттого эта благословенная земля взрастила такое количество поэтов-мудрецов (Кязим Мечиев, Кайсын Кулиев, Керим Отаров, Ибрагим Бабаев), писателей-философов (Алим Тепшеев, Зейтун Толгуров, Борис Чипчиков и др.).

Следует сказать, что самоназвание балкарцев (*таулула* – горцы) содержит прямую отсылку к горам, и в основу этнонима заложена соответствующая семантика (*таулу* равно *горец*). Созвучие слов *тау* – *таулу* – *таулулукъ* указывает на неразрывность понятий, в которых зафиксированы перманентные характеристики человека, живущего в суровых условиях (внешняя стать, свободолюбие, стойкость, крепость духа, степенность, благородство, преобладание духовной составляющей), узнаваемый облик народа-труженика и нравственно-этический кодекс, закрепленный в этносознании. Вышеперечисленные описания вбирает в себя «таулулукъ».

Земной путь человека не лишен тягот и страданий, жизнь в горах нелегка и опасна. Собственно путь – есть универсальная метафора движения. Веками путь горца состоял из тяжелого труда на пастбищах и сенокосных угодьях, земледелия и ремесленничества. Для писателя труд сельчанина и художественное творчество нераздельны, об этом новелла «На зимних пастбищах»: «Целый день я таскаю на волах копны сена, дрова, бревна. Хо-

рошо, что до коша не так далеко. Вечером, пригнав стадо, выпрягая усталых Айбаша и Доммая, от которых валит пар, я оглянулся. На снегу остались клочки сена и полосы от дров, словно это были те строки, которые я должен был написать и написал сегодня» [1, с. 29]. Стойкость духа этих людей, осваивавших скудные, каменистые земли, сродни стали, утверждает писатель. Вставая спозаранку, им необходимо было развести огонь, набрать и принести воды, испечь хлеб, приготовить нехитрую еду, идти на охоту, смотреть за скотом, защищаться от хищников, пережить суровые зимы, подолгу находясь на коше. Однако всегда и везде балкарца отличали трудолюбие, широта души, неразрывная связь с живой природой. Настоящий горец, даже когда рубит дерево, просит у него прощения («В лесу»). Не менее значимо для горцев слово, оно должно быть осмысленным и произнесено к месту, нести добрый посыл, тогда это будет золотое слово («Слова подобны зернам»). Обо всем этом повествуют новеллы Сулеймана Бабаева.

Художник непрестанно восхищается величием кавказских гор, способным излечить душу человека и очистить его разум: *«Взгляни на горы – как они чисты, ясны. Кажется, что если подойти к ним ближе и бросить на них один только взгляд, почувствовать их величие – и этого будет достаточно, чтобы излечить человека»* [1, с. 11]. В этом плане примечательно содержание новеллы «Трава камня», метафорически передающее мощь и силу родной земли, подчеркивая, что горец слит с ней воедино, именно ее притяжение спасло народ от гибели на чужбине. *«Могуч сок травы у родного камня...», «Вода и камень родины тянули нас к себе, потому и вернулись мы...»* [1, с. 13], – звучат слова героя. В произведениях подспудно присутствуют трагические страницы народной истории. Содержание новелл «Звезда мира» и «Сливовое дерево» бедит сердце драматическими воспоминаниями о войне, трудных послевоенных годах, тяготах выселения. Сравнивая свое голодное детство, проведенное на чужбине, с детством своих детей, писатель подчеркивает очевидный контраст, разность мировосприятия двух поколений. *«Много раз нам, балкарским детишкам, луна над среднеазиатскими степями казалась тирогом или сырком, когда по ночам мы ходили собирать колосья, оставшиеся на полях. Много скорбных дум передумали старые горцы, вспоминая о стадах и табунах, оставшихся без присмотра, о заброшенных полях. Старушки утешали детей, словно слова могли чем-то помочь, металась по дому, плакали от бессилия. ...А в доме не было ни пылинки муки. Вечером, столпившись вокруг них, детишки с потемневшими, как зола, горящими глазами глядели на тусклый свет керосиновых ламп, словно из этого света должны были прорасти пшеничные колосья»* [1, с. 96]. Родители вынужденно обменивали ценные вещи (золотой пояс, обручальное кольцо, старинный прадедовский кинжал в серебряных ножнах) на мешок пшеницы, поскольку нет ничего страшнее для человека, чем голодные глаза его детей.

Задумываясь о человеческих судьбах, писатель осознает цикличность самой жизни – закономерный процесс, когда все зарождается и увядает, уступая место чему-то новому. *«Все идет своим чередом, как и века назад, и земля так же спокойна, уверенна и огромна, как небо над ней. Если бы они могли чувствовать то, что чувствую я, они сделали бы человека бессмертным»* [1, с. 27]. То, что нас окружает, требует бережного отношения, сострадания, человеческого тепла («Слепая лошадь»). Автором нащупано удачное сравнение: «земля – слепорожденная кобылица». *«Черная земля и сама перенесла немало бед со дня творения; земля, слепорожденная кобыла. Сколько снарядов рвали ее могучее тело, сколько огней обжигали ее, и сама она иногда дышала огнем, взлетали в небо камни, словно комья глины из-под копыт несущейся вскачь лошади»* [1, с. 30]. Означенная метафора художественно отражает гуманистическую концепцию писателя. Слепая лошадь спотыкается, встает на ноги и продолжает путь, она помнит звуки плети, лишившей ее зрения, бесчувственность хозяев «без Бога в душе». Но белая звезда на лбу освещает ей дорогу ради новой жизни в ней, она помнит всех своих жеребят (рыжих, вороных, гне-

дых) и готова отдать всю жизнь без остатка, чтобы вновь увидеть их. Люди, не задумываясь, лишают животных свободы, но что может быть прекраснее лошади, быстрой как птица, с горящими глазами, скачущей на просторах альпийских лугов с развевающейся гривой. Для горца (пастуха и воина) существенное значение имеет слитность с конем, в его восприятии лошадь – самое прекрасное и верное животное на земле. *«Нет на свете животного добрее... Тысячелетия уже служит она человеку, живет для него, не щадя себя ни в сражении, ни на пахоте»* [1, с. 31].

В творчестве С. Бабаева раскрывается трепетное отношение к женщине, тем более что сам он рано лишился ласки матери. Писатель следует заповеди своего отца: *«Берегите, храните честь и красоту наших женщин, наших матерей»* [1, с. 10], эта мысль транслируется в содержании новеллы «Рассвет» (женщина-мать как воплощение родной земли). В рассказе «Блаженство ночи» отражены драматические страницы жизни семьи главного героя и образ жены, родившей ему семерых детей (четверых из которых она похоронила), обладающей неисчерпаемым мужеством и терпением. В женщинах заключены мощь и красота самой жизни, они и есть источник этой жизни, их руками, не знающими отдыха, создано все («Тяжесть ведра воды»). Не потому ли балкарки такие искусные мастерицы, заключает автор. Их образ уподобляется небесному светилу: *«Чем хуже солнца хорошая девушка? А мать с ребенком на руках прекраснее солнца»* [1, с. 47].

Объемное образное мышление, яркие визуальные метафоры, вещественная зримость картин, формульность, мифологическая насыщенность текста, сосредоточенное созерцание, пассионарность и антропоцентричность – одни из множества характерных черт поэтики новелл балкарского писателя. Художественная состоятельность книги бесспорна. В ней просматривается философско-экзистенциальный акцент на земном бытии.

В книге С. Бабаева обнаруживается множество автобиографических подробностей, информации из жизни его семьи. И каждый читатель сам может это прочувствовать. Анализируя содержание сборника, Е. Жабоева-Тетуева справедливо отмечает, что новеллы писателя напоминают дневниковые записи, заметки из ежедневника, поскольку автор старался запечатлеть и удержать в памяти каждое мгновение прошлого. «Понимание вечных божественных ценностей – это высокий уровень интеллектуального развития, необычный интерес к жизни» [6, с. 65], – рассуждает она. Исследуя художественные тексты, автор статьи обращает внимание на то, как точны портретные характеристики героев. Кроме того «интертекстуальные связи позволяют увидеть генезис текста, его структуру, основные составляющие смысла» [6, с. 66]. Действительно, в новеллистической прозе С. Бабаева четко обозначена та ценностная система координат, что служила опорой этноса на протяжении многих веков. Читателю преподносится книга жизни народной, полноценная историческая хроника с калейдоскопом характеров и человеческих судеб.

В анализируемом сборнике сформулирована образцовая модель литературного творчества: *«Если моим пером водит любовь к высокой земле родины, память об отце, если кто-то, неведомый мне, читая слова мои, может хоть на миг ощутить то, что ощущаю я, увидеть – хоть на миг – прорастание травы, струение родника, полет звезды, первый снег, падающий в горах, – значит, душа моя – от камня родной земли, кровь моя – от родных рек. Значит, ладится мой труд»* [1, с. 49]. Именно такой оценки читателя достойна проза С. Бабаева, в которой живо представлены образы простых тружеников, достойных людей с большим сердцем и чистыми помыслами.

Из систематизированного материала и последовательного анализа художественных текстов следует, что полновесное отражение концептосферы горца с ориентацией на формирование целостного свода сведений о жизни и культуре этноса в единый «кавказский тезаурус» характеризует «Книгу отца» С. Бабаева, которую, без сомнения, можно назвать энциклопедией народной мудрости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабаев С.* Книга отца. Новеллы / Перевод с балк. М. Джуртубаева. Нальчик: Эльбрус, 2001. 104 с.
2. *Урусбиева Ф.* Уровни чтения. Статьи. Нальчик: Эльбрус, 2010. 248 с.
3. *Кучукова З.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики: (карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии). Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. 312 с.
4. *Смирнова Н.* «Чтоб пробудить крылатость в человеке». Жизнь-творчество: Керим Отаров. Книга-эссе. М.: Наука, 2014. 328 с.
5. *Кучукова З.* Вертикаль как прасимвол кавказской культуры // Вопросы культурологии. 2012. № 8. С. 32–36.
6. *Жабоева-Тетыева Е.* О «Книге отца» Сулеймана Бабаева // Литературная Кабардино-Балкария. 2012. № 6. С. 62–72.

REFERENCES

1. *Babaev S.* *Kniga ottsa. Novelly* [The Father's Book]. *Perevod s balkarskogo M. Dzhurtubaeva.* Nalchik: Elbrus, 2001. 104 p. (In Russian)
2. *Urusbieva F.* *Urovni chteniya* [Reading levels]. *Stat'i.* Nalchik: Elbrus, 2010. 248 p. (In Russian)
3. *Kuchukova Z.* *Ontologicheskii metakod kak yadro etnopoetiki: (karachaevo-balkarskaya mentalnost v zerkale poezii)* [The ontological metacode as the core of ethnopoetics: (Karachay-Balkarian mentality in the mirror of poetry)]. Nalchik: Izdatelstvo M. i V. Kotlyarovykh, 2005. 312 p. (In Russian)
4. *Smirnova N.* «*Chtob probudit krylatost v cheloveke*». *Zhizn-tvorchestvo: Kerim Otarov* ["To awaken wingedness in man." Life is creativity: Kerim Otarov]. *Kniga-esse.* Moscow: Nauka, 2014. 328 p. (In Russian)
5. *Kuchukova Z.* *Vertikal kak prasimvol kavkazskoi kultury* [Vertical as the proto-symbol of Caucasian culture]. *Voprosy kulturologii.* 2012. No. 8. Pp. 32–36. (In Russian)
6. *Zhaboeva-Tetueva E.* *O «Knige ottsa» Suleimana Babaeva* [About "The Father's Book" by Suleiman Babaev]. *Literaturnaya Kabardino-Balkariya.* 2012. No. 6. Pp. 62–72. (In Russian)

Финансирование. Исследование проведено без спонсорской поддержки.

Funding. The study was performed without external funding.

Информация об авторе

Атабиева Асият Даутовна, канд. филол. наук, ст. науч. сотр. сектора карачаево-балкарской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук;

360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18;

bolatovaatabieva@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>, SPIN-код: 7303-0391

Information about the author

Asiyat D. Atabieva, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Institute of Humanitarian Researches – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences;

360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street;

bolatovaatabieva@mail.ru, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2384-6108>, SPIN-код: 7303-0391